

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ В ПОВОЛЖЬЕ

© 2014

В.В. Ставицкий, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, историографии и археологии*Пензенский государственный университет, Пенза (Россия)*

Аннотация. В статье рассматривается процесс взаимодействия неолитических культур степного и лесостепного Поволжья, главной причиной которого было изменение климатических условий. Влияние южных культур на северные было однонаправленным. Сильная аридизация климата на рубеже VII – VI тысячелетия до н. э. привела к миграции неоседлого населения из Малой Азии, в результате которого в бассейне р. Самары сформировалась елшанская культура. После этого длительное время население степной и лесостепной зон существовало автономно. К середине VI тысячелетия до н. э. на базе елшанских древностей без существенного влияния извне происходит сложение средневолжской культуры. В результате аридизации климата в последнюю четверть VI тысячелетия до н. э. происходит смещение на север носителей памятников тентексорского типа, часть которых вступает в интенсивные контакты с населением средневолжской культуры, что приводит к изменению керамических традиций местного населения.

Ключевые слова: елшанская культура; накольчатая керамика; аридизация климата; неолит; взаимодействие культур; Среднее Поволжье; Северный Прикаспий; степь; лесостепь.

Проблема взаимодействия населения севера и юга в Поволжье является одной из ключевых проблем, поскольку данные процессы, по мнению большинства исследователей, оказывали существенное влияние на формирование лесостепных культур [1 - 10]. Не случайно, что данная тема, наряду с проблемой развития культур северного и южного неолита, стала одной из наиболее обсуждаемых на конференции, недавно состоявшейся в Астраханской области [11 - 14]. Заметное место вопросы взаимовлияния неолитических культур севера и юга занимают у сегодняшнего юбиляра А.А. Выборнова [15 - 19]. Именно им в конце 1980-х годов была разработана концепция взаимодействия населения степной и лесостепной зон, основные положения которой остаются актуальными по настоящее время. Однако накопление новых данных, на наш взгляд, требует уточнения ряда позиций.

Главной причиной воздействия южных культур на северное население обычно считается усиление аридизации, что приводило к миграциям степных копытных животных, вслед за которыми перемещались и неолитические охотники. Наиболее ранние миграции подобного рода относятся к началу бореального периода, когда на юго-западе Самарской области фиксируется появление памятников с геометрическими микролитами южного (жекалганского) типа [20, с. 109]. По-видимому, миграциями подобного рода было обусловлено и появление древнейшего неолитического населения в Самарском Заволжье.

Если не принимать во внимание радиоуглеродных датировок, выполненных по речным раковинам, которые из-за так называемого резервуарного эффекта могут быть удревнены до тысячи лет, то наиболее ранние даты с памятников елшанской культуры зафиксированы для материалов Ивановской стоянки. По керамике в Киеве получены даты 7930 ± 90 BP, 7780 ± 90 BP, 7680 ± 90 BP [21, табл. 1]. Еще более древняя дата получена по кости 8020 ± 90 BP, но её связь с неолитическим слоем, на наш взгляд, не очевидна. Несколько более позднее значение имеет дата по елшанской керамике, сделанная в Петербурге 7560 ± 70 BP [22, Tab. 2]. Последняя дата представляется нам более вероятной, поскольку её верхнее значение 6231 calBC (2 σ) почти укладывается в интервал, соответствующий появлению керамики стиля Гелвери-Гюзельюрт на территории Анатолии, находящейся ряд близких параллелей в форме и орнаментации елшанских сосудов (рис. 1) [23, р. 129-131]. Период 6200-6000 лет до н. э. характеризуется максимальной аридизацией климата, которая могла дать толчок движению неоседлого населения Малой Азии, в

результате чего носители данных керамических традиций могли достигнуть территории Самарского Заволжья. По-видимому, это был повторный вынос навыков изготовления керамики из Малой Азии, поскольку первая, более ранняя волна была связана с земледельческим населением, мигрировавшим в Европу в поисках легких лессовых почв, пригодных для мотыжного земледелия.

По мнению А.А. Выборнова и К.М. Андреева, формирование неолитических традиций на Средней Волге осуществлялось в результате непосредственных миграций населения из Приаралья и Восточного Прикаспия [11, с. 13; 19, с. 207 – 208]. Однако приводимые ими аналогии между елшанской и среднеазиатской керамикой имеют самый общий характер и, по всей видимости, свидетельствуют только о близких источниках заимствования керамических традиций населением обеих культур. Причем анатолийские образцы керамики стиля Гелвери-Гюзельюрт имеют более близкие аналогии в елшанской посуде, а не в кельтеминарской.

Довольно высокой степенью сходства елшанская керамика обладает с материалами восточноприкаспийской стоянки Джебел, однако её материалы имеют более позднюю хронологию в сравнении с елшанской и, по-видимому, иллюстрируют процесс консервации местным населением каких-то ранних традиций. Кроме того, между елшанскими и анатолийскими датами отсутствует хронологический зазор, на протяжении которого мигранты могли бы трансформировать облик своей культуры на территории Средней Азии. Да и климатические условия в интервале 6200 - 6000 лет до н. э. здесь были не лучше, чем в Малой Азии. Видимо, попутно мигранты вовлекли в свое движение отдельные группы местного населения, в результате чего ими могли быть заимствованы геометрические микролиты, типа «рогатых» трапеций, которые найдены на ряде неолитических стоянок бассейна р. Самары. Однако дальнейшего развития индустрия изготовления геометрических микролитов в Самарском Заволжье не получила, вероятно, из-за немногочисленности их носителей, которые в скором времени растворились в среде местного населения.

По мнению К.М. Андреева, в начале VI тыс. до н. э. на Средней и Нижней Волге сложились благоприятные экологические условия, поэтому население данных территорий не поддерживало интенсивных контактов, существуя изолированно друг от друга [11, с. 13]. А. А. Выборновым высказано предположение, что контакты между средневолжским и нижневолжским населением в этот период все же имели место. В ходе

этих контактов во второй четверти VI тыс. до н. э. на правобережных памятниках елшанской культуры появляются плоские днища, а к середине VI тыс. до н. э. на Варфоломеевской стоянке в материалах 3 слоя происходит сложение гибридной керамики с елшанскими чертами [19, с. 208].

Гибридность варфоломеевской керамики заключается в использовании местным населением не пелогоновых илов, а илстых глин, что характерно для елшанской технологии изготовления посуды [19]. Однако данный вывод не представляется нам очевидным, поскольку использование глиноподобного сырья присуще не только носителям елшанских традиций. Ожелезненные глины использовало неолитическое население Южного Приуралья, Зауралья и Северного Приаралья [24, с. 204-205]. Причем о возможных связях с Зауральем может свидетельствовать последующее появление своеобразных наплывов на варфоломеевской керамике слоя 2Б [25, с. 209]. Кроме того, судя по исследованиям И.Н. Васильевой, как илы, так и илстые глины гончары могли брать из одного и того же места, поскольку в водоемах, с прибрежной части которых извлекали сырье, илстые глины (донные илы) залегают непосредственно под илами [26, с. 434]. Поэтому эпизодическое использование илстых глин вполне могло иметь место у населения, которое традиционно использовало илы, без каких-либо контактов извне, хотя бы в силу того, что данные отложения могут не иметь резкой границы при залегании. Впрочем, даже если идея использования илстых глин была привнесена в среду варфоломеевского населения извне, то для её реализации было достаточно минимального объема контактов, которые, вероятно, имели место со всеми соседними культурами, а не только с елшанской. Отметим, что возможность более широких контактов отрицается и А.А. Выборновым, который полагает, что у елшанского населения не было особых причин для миграции в южном направлении [19, с. 46 - 47].

Более радикальную позицию в данном вопросе занимает А.В. Вискалин, который считает, что елшанское влияние доходило даже до раннеолитического населения Северного Прикаспия. По его мнению, результат подобного влияния иллюстрируют материалы поселения Кугат 4 и Кулагайси, в которых проявляются такие елшанские черты, как профилированность венчика и круглодонность. Время подобных контактов определяется им последней четвертью VI тыс. до н. э., когда в Прикаспии существовали более благоприятные экологические условия [12, с. 54]. Однако по радиоуглеродной хронологии существование стоянки Кугат 4 относится к более раннему времени: второй – третьей четверти VI тыс. до н. э. Причем даже эта хронология выглядит омоложенной по отношению к остальным каиршацким памятникам, поскольку на Кугате 4 и Кулагайси зафиксирована кремневая микролитическая индустрия наиболее архаичного облика [27, с. 24-25]. Появление здесь круглодонной профилированной керамики, скорее всего, объясняется близостью к памятникам раннеолитических культур Приазовья, в которых находят достаточно близкие аналогии форма и ornamentация профилированных круглодонных сосудов, и где так же широко распространены геометрические микролиты [28, рис. 27, 32, 42, 45].

К дискуссионным вопросам, на наш взгляд, относится и появление плоских днищ на елшанской керамике. Как и А.А. Выборнов, мы считаем, что конические днища для елшанской керамики являются более ранними, а плоские появляются несколько позже. Однако если исходить из предположения, что происхождение елшанских керамических традиций связано с Малой Азией, тогда их носителям плоские днища должны быть известны изначально. Отказ от изготовления плоскодонной керамики, видимо, объясняется предпочтением неоседлого населения к

круглодонной посуде, что характерно для большинства неолитических культур не знакомых с производящей экономикой, а так же для ряда кочевых скотоводческих племен более позднего времени.

Предположение о заимствовании елшанским населением плоских днищ у неолитического населения Нижнего Поволжья во многом носит теоретический характер, поскольку непосредственных контактов между ними на раннем этапе существования елшанской культуры не зафиксировано. Результатом подобных контактов И.Н. Васильева объясняет появление елшанских сосудов, изготовленных из пелогоновых илов, доля которых со временем увеличивается, а с распространением накольчатой керамики на территории Самарского Заволжья становится господствующей [29, с. 37 - 38]. Однако на Ивановской стоянке, которая сейчас имеет наиболее ранние радиоуглеродные даты, две различных традиции отбора исходного сырья фиксируются изначально в самых ранних группах елшанской керамики [29, с. 36], и это свидетельствует о том, что практика использования илов была известна протоелшанскому населению еще до миграции на р. Самару. К тому же, по наблюдениям Н.Л. Моргуновой, 7 плоских днищ, залегающих в неолитическом слое с 83 елшанскими и 150 накольчатыми сосудами, по своим технологическим особенностям с елшанской посудой не связаны [5, с. 15 - 16], следовательно, плоскодонная посуда появилось на стоянке значительно позже.

Между тем, плоскодонные формы могли быть заимствованы елшанским населением с Нижней Волги только на самом раннем этапе развития, в тот период, когда тамбытовалатрадицияпроизводства неорнаментированной посуды. Однако, судя по радиоуглеродным датам, данная традиция, как на Варфоломеевке, так и на Каиршаке III не выходит за пределы третьей четверти VII тыс. до н. э. [19, с. 239 - 240, табл. 1]. Поэтому более вероятным источником елшанской плоскодонности являются материалы Ракушечного Яра, в слоях которого плоскодонная неорнаментированная и слабо орнаментированная посуда бытует достаточно долго [4, рис. 2 - 6]. Следует отметить, что ракушечная керамика лепилась из глин [4, с. 137], что характерно и для плоскодонной слабо орнаментированной керамики правобережного Поволжья [30, с. 38 - 39].

На наш взгляд, нижеволжское влияние на население лесостепного Заволжья уверенно фиксируется только на накольчатой керамике Вилатовской стоянки, наиболее ранняя дата которой соответствует третьей четверти VI тыс. до н. э., а большая часть образцов относится к рубежу VI - V тыс. до н. э. [19, с. 242-243, табл. 1]. Именно на вилатовской керамике появляются сложные композиции в виде «песочных часов», свисающих треугольников, парных горизонтальных зигзагов.

По мнению А.А. Выборнова, именно в результате прямого воздействия носителей керамики варфоломеевского типа в Самарском Заволжье происходит сложение накольчатой керамики средневолжской культуры, которая получает от южных соседей плоские днища, геометризм ornamentации и навыки использования илов для лепки посуды [19, с. 209]. К.М. Андреев связывает данный процесс с мощной аридизацией второй половины VI тыс. до н. э., пик которой пришелся на время 7200 л.н., а начало подобного воздействия, по его мнению, с которым солидарен и А.А. Выборнов, иллюстрируют материалы Ивановской стоянки [11, с. 14-15]. Однако радиоуглеродные даты накольчатой керамики Ивановки в основном относятся к первой четверти VI тыс. до н. э. [19, с. 241, табл. 1], когда на территории Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья существовали достаточно благоприятные климатические условия, не предполагающие

совершения вынужденных миграций. Необходимость в таких миграциях по времени как раз совпадает с ранней датой накольчатой керамики Виловатовской стоянки, приведенной выше. О том, что накольчатые традиции Ивановской стоянки первоначально развивались без существенного влияния со стороны нижневолжского населения, свидетельствует и малое число плоских дниц (7 экз. на 150 накольчатых сосудов). Отсутствуют на ивановской керамике и сложные композиции орнамента, аналогичные виловатовским. Впрочем, в поздней группе накольчатой посуды Ивановки нижневолжское влияние проявляется, но менее рельефно.

По мнению К.М. Андреева, накольчатая традиция на памятниках р. Самары могла сложиться под влиянием населения, связанного со слоями 2Б или 2А Варфоломеевской стоянки [11, с. 14], однако данному факту противоречит отсутствие на стоянках средневолжской культуры венчиков с внутренними наплывами, которые входят в употребление со слоя 2Б. Нет здесь и мотивов орнамента, выполненных в прочерчено-накольчатой технике, также характерных для варфоломеевской керамики. Тезису о прямой миграции нижневолжского населения в бассейн р. Самары противоречит и отсутствие здесь находок трапедий со струганной спинкой, которые со слоя 2Б являются культуроопределяющими для населения Варфоломеевки. Более вероятным является предположение, высказанное А.А. Выборновым еще в 1988 г., о том, что инициаторами южного воздействия на неолитическое население р. Самары были носители тентексорского типа керамики [1, с. 32], на посуде которых нет ни наплывов, ни накольчато-прочерченных композиций. Причем в кремниевой индустрии Тентексора известны геометрические микролиты в форме трапедий, которые найдены на Варфоломеевской и Ивановской стоянках. По ряду недавно полученных радиоуглеродных дат верхняя граница существования памятников тентексорского типа как раз приходится на время предшествующее аридизации второй половины VI тыс. до н. э. [31, с. 200 – 201], когда, видимо, часть прикаспийского населения продвинулась до р. Самары. По мнению П.П. Барынкина и Е.В. Козина, в окрестностях Варфоломеевки в это время существовали более приемлемые климатические условия, нежели в Северном Прикаспии [32, с. 71], вероятно, поэтому варфоломеевское население не приняло прямого участия в данной миграции.

Таким образом, первоначально сложение накольчатой традиции у населения средневолжской культуры, по всей видимости, проходило без заметного влияния со стороны населения степных культур, воздействие которых относится к более позднему времени. О том, что традиции более густого заполнения орнаментального поля зародились в елшанской среде, свидетельствует появление подобной орнаментации на керамике Ильинской стоянки, которая украшена не наколами, а насечками и синхронна при этом елшанской посуде данной стоянки (6770 ± 90 и 6670 ± 100 BP). На наш взгляд, задолго до контактов с нижневолжским населением на территории Самарского Заволжья также появилась техника овального и треугольного накола, о чем свидетельствует наличие подобной орнаментации на керамике елшанского типа с профилированными S-овидными венчиками [19, рис.56, 2, 4; 66, 2].

Из вышеизложенного напрашивается вывод, что происхождение средневолжской культуры в основном было связано с процессами внутреннего развития елшанской керамической и кремниевой индустрии, в результате эволюции которых происходит зарождение новых культурных традиций. На раннем этапе данные процессы протекали без существенного влияния со стороны неолитического населения Нижнего Поволжья, влияние которого ощущалось только в период максимальной аридизации. В уточнении нуждается Самарский научный вестник. 2014. № 4(9)

ся тезис о достаточно продолжительном периоде сосуществования носителей елшанских и средневолжских традиций на территории Самарского Заволжья, в последнее время получивший развитие в работах К.М. Андреева [11], поскольку в значительной мере он базируется на банальном разбросе радиоуглеродных дат, часть которых не является корректной. Судя по радиоуглеродным датам, процесс сложения накольчатых традиций, имевший место на Ивановской стоянке в первой четверти VI тыс. до н. э., первоначально носил достаточно локальный характер и не имел распространения на всю территорию Самарского Заволжья, где продолжалось развитие прежних елшанских традиций. Об этом свидетельствует хронологическая оторванность ивановских дат от остального массива радиоуглеродных определений.

Не исключено, что ивановские даты по елшанской и накольчатой керамике оказались удривлены в результате какого-то локального явления, которые не всегда поддаются фиксации известными методами радиоуглеродного датирования. Одной из причин этого может быть «геологический углерод», возраст которого в илстых глинах должен быть старше аналогичного углерода, содержащегося в илах, по причине большей древности илстых глин. Из илстых глин на Ивановской стоянке изготовлено: 69% елшанской керамики первой группы, 59% – второй; 75% накольчатой керамики первой группы, 10% – второй, 44% – третьей; только 7% – гребенчатой керамики первой группы, 0% – второй, 13% – третьей. Остальная посуда вылеплена из илов [29, с. 36]. При этом И.Н. Васильевой отмечается разнородность накольчатой керамики [29, с. 27], вероятно, имеющая хронологический характер. Часть накольчатой керамики стоянки должна быть синхронна гребенчатой посуде, с которой она в средневолжской культуре составляет несомненное единство. Однако датированный образец гребенчатой посуды на стоянке моложе почти на 700 лет (6090 ± 90 – 6100 ± 90 BP) [33, с. 57], хотя на других памятниках такого значительного разрыва не наблюдается.

Определенным хронологическим репером в данном вопросе может служить время появления плоских дниц, сосуды с которыми на елшанских стоянках (Ильинская, Красный Городок и др.) получают достаточно широкое распространение во второй четверти VI тыс. до н. э. [19, с. 131], но весьма немногочисленны в накольчатой керамике Ивановки. С учетом изложенного время появления накольчатой посуды на данной стоянке следовало бы отнести ко времени не позже середины VI тыс. до н. э. Примерно этим же периодом датируется древнейший образец накольчатой посуды с Виловатовской стоянки. Судя по радиоуглеродным датам, на остальной территории Самарского Заволжья накольчатая керамика получает распространение только в конце VI тыс. до н. э., когда и завершается процесс трансформации елшанских древностей в средневолжские.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.
2. Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолитические культуры лесостепного Поволжья и их взаимодействие с населением лесного Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск: Удм. ИИЯЛИ УО АН СССР, 1988. С. 78-91.
3. Вискалин А.В. О роли юго-западных контактов в формировании неолита Волго-Уральской лесостепи // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Самара: СамГУ, 2006а. С. 47-50.
4. Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А. Керамические традиции в раннем неолите Восточной

Европы // Российский археологический ежегодник. 2013. №3. С. 27-109.

5. Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 1995. 222 с.

6. Ставицкий В.В. Проблема неолитизации Волго-Донской лесостепи // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. Специальный выпуск. 2005. С. 145 – 151.

7. Ставицкий В.В. Динамика взаимодействия культур севера и юга в неолите – раннем энеолите на территории лесостепной зоны // Археологическое изучение Центральной России. Липецк: ЛГПУ, 2006. С. 105 – 109

8. Ставицкий В.В. Ранний неолит Среднего Дона и Мокши // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии. Материалы международной научной конференции. Самара, 2011. С. 53–54

9. Ставицкий В.В. Историография неолита бассейна р. Сура // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1015-1018.

10. Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: СГУ, 2004. 200 с.

11. Андреев К.М. Некоторые аспекты взаимодействия населения Нижней и Средней Волги в неолите // Самарский научный вестник, 2014, №3 (8). С. 13-17.

12. Вискалин А.В. Проблема контактов степного и лесостепного Поволжья в раннем неолите // Самарский научный вестник, 2014, №3 (8). С. 54-57.

13. Нордквист К. Продолжительность неолитизации – взгляд с севера // Самарский научный вестник, 2014, №3 (8). С. 148-155.

14. Ставицкий В.В. К вопросу о единстве критериев неолитической эпохи для культур севера и юга // Самарский научный вестник, 2014, №3 (8). С. 171-178.

15. Выборнов А.А. Соотношение неолитических памятников лесной и лесостепной зон Волго-Камья // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Оренбург: ОГПУ, 1986. С. 10-11.

16. Выборнов А.А. Соотношение культурных зон и миров, историко-культурных и этнокультурных областей в эпоху неолита // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск: Удмурт. ин. ИЯЛ УО АН СССР, 1988. С. 11-21.

17. Выборнов А.А. Неолит Северного Прикаспия и его соотношение с культурами сопредельных территорий // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1990. С. 21-24.

18. Выборнов А.А. Некоторые вопросы изучения нижневолжского неолита // Новые гуманитарные исследования. Известия СНЦ РАН. Самара, 2003. С. 57-65.

19. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СамГПУ, 2008. 490 с.

20. Ластовский А.А. Мезолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 81-140.

21. Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН, 2012. т.14, №3. С. 193 – 199.

22. Vybornov A., Kulkova M., Tomash T., Possnert G. The problem of the neolithisation process chronology in Povolzhye // Documenta Praehistorica XL (2013). P. 13 – 20.

23. Ingmar F. West Mound Excavations – Pottery. In: Catalhöyük Research Project. 2007. Archive Report. p. 129 – 131.

24. Цетлин Ю.Б. О происхождении верхневолжской культуры // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола: МарНИИ ЯЛИ, 2007. С. 197-207.

25. Ставицкий В.В. Дискуссионные вопросы изучения нижневолжского неолита // Историко-археологические изыскания: Сб. тр. молодых ученых. Самара: СамГПУ, 2004. Вып. 6. С. 205 – 218.

26. Васильева И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Самара: СамГПУ, 2006. Вып. 4. С. 426 - 439.

27. Ставицкий В. В. Актуальные проблемы изучения первобытной археологии Поволжья // Материалы XXXVI Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Пенза: ПГПУ, 2004. С. 15 – 61.

28. Манько В. О. Неоліт південно-східної України. Київ: Шлях, 2006. 280 с.

29. Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 23-38.

30. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитическое гончарство Сурско-Мокшанского междуречья // Самарский научный вестник, 2014, №3(8). С. 35 – 53.

31. Барацков А.В., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 14, №3, 2012. С. 200-204.

32. Барынкин П.П., Козин Е.В. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: СамГПУ, 1998. С. 66-82.

33. Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

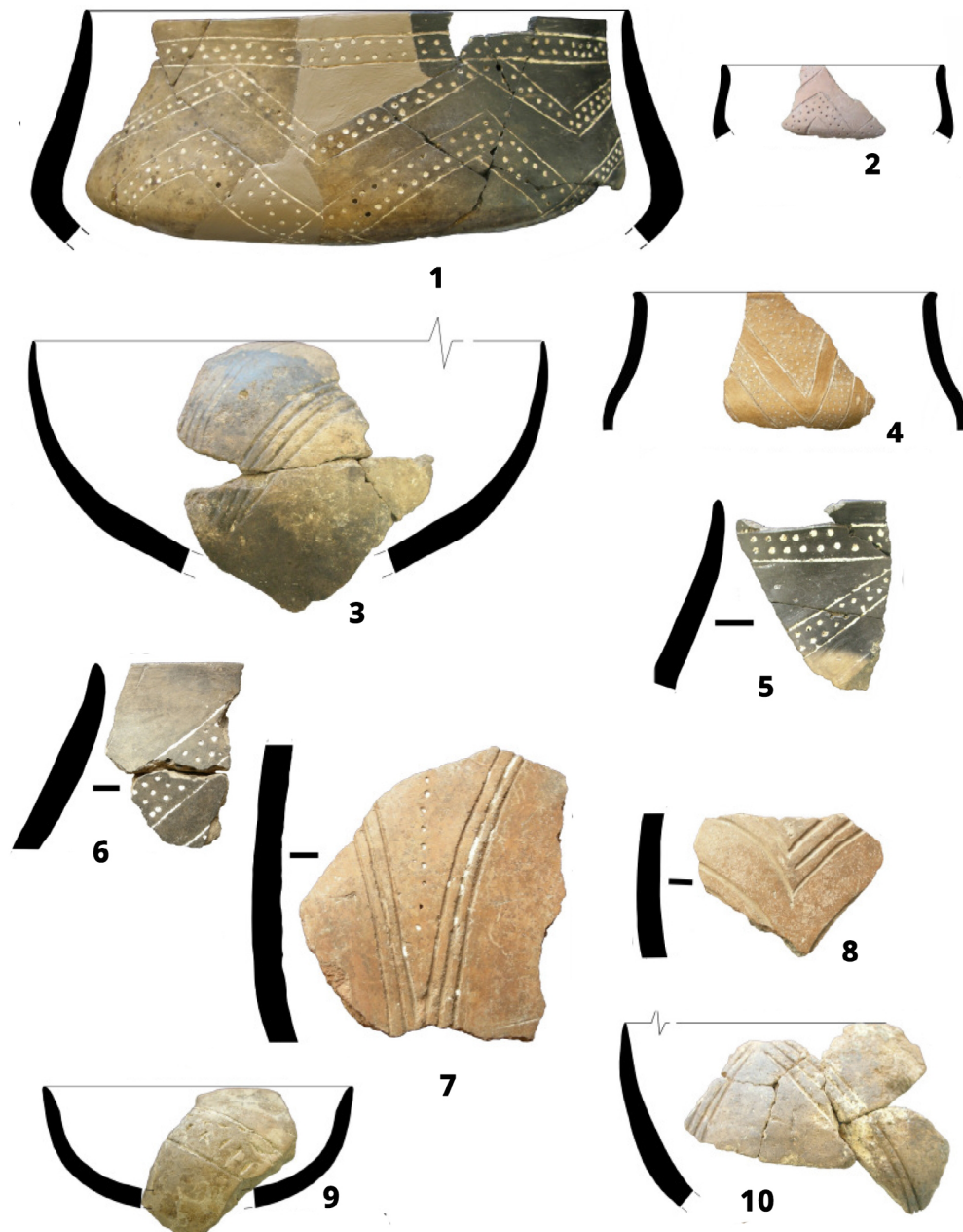

Рис. 1. Керамика из нижних слоев западного холма поселения Чатал-Хеюк (по F. Ingmar. 2007)

INTERACTION OF NEOLITHIC POPULATION OF THE STEPPE AND FOREST-STEPPE AREAS IN VOLGA REGION

©2014

V.V. Stavitsky, Doctor of Historical Sciences, associate professor of Department of General History, Historiography and Archaeology
Penza State University, Penza (Russia)

Abstract. This article examines the interaction of Neolithic cultures of steppe and forest-steppe of the Volga, the main reason of which was climate change. The influence of the southern on the northern cultures was unidirectional. Intensive climate aridization at the turn of the seventh and the sixth millennia B.C. resulted in nomadic tribes migration from Asia Minor. Therefore, Yelshan culture was formed in the Samara river basin. For a long period of time the population of the steppe and forest-steppe areas lived autonomously. By the middle of the sixth millennium B.C. mid-Volga culture was formed on the basis of Yelshan antiquities without any significant influence from outside. As a result of the climate aridization in the last quarter of the sixth millennium B.C. there was a northward shift of the people who owned Tenteksoor artefacts. Some of them come into intensive contacts with the population of mid-Volga culture and that makes the ceramic traditions of the local population change.

Keywords: Yelshan culture; stroke ceramics; climate aridization; Neolithic culture; cultures interaction; mid-Volga region; North Caspian sea region; steppe; forest-steppe.